

У римлян шёл в атаку последний легион.
Его ряды уверенно держались.
Но варвары сегодня, превосходя числом,
В сраженье неизбежно побеждали.

У римлян шёл в атаку последний легион,
Но не равняйте доблесть и закланье!
И если хоть один с мечом и со щитом,
То римляне ещё не проиграли!

У римлян шёл в атаку последний легион,
Свою судьбу прекрасно понимая,
Что для него не будет счастливого «потом».
Держать ряды! И римляне держали.

Т. Кардаполов. Последний легион

Система планеты Эль Рияд

Эскадра восточников на большой, в половину рубки, голографической карте выглядела россыпью ярко светящихся точек. В приглушенном свете они смотрелись эффектно, но для непосвященного человека абсолютно непонятно. Впрочем, здесь непосвященных не было.

Адмирал Александров прикрыл глаза, размышляя и в то же время, не теряя противника из виду. Детализацию изображения можно было, конечно, и повысить, но для него в этом не имелось смысла. Александров предпочитал видеть больше окружающего пространства, чтобы, не дай Космос, не проворонить какую-нибудь пакость, на которую так богата вся история войн. А детали... Вот когда он вступит в бой, тогда они и понадобятся. Может быть. А может, и нет.

Командующий флотом Урала был нереально спокоен. Азарт ушел, оставив вместо себя лишь холодный расчет. Почему? Наверное, просто из-за того, что адмирал пережег уже весь адреналин, готовясь к этому сражению. Победить в нем он мог, наверное. Да какое там наверное. Свои шансы на победу он сейчас оценивал процентов этак в восемьдесят. Дождаться, когда восточники втянутся в сражение с Эль Риядом, понесут серьезные потери, а потом зажать их на орбите этой

несчастной планеты и раздавить огнем, пользуясь индивидуальным превосходством своих кораблей. Но какой ценой?

Если бы все упиралось в одно лишь это сражение, то потеря четверти кораблей безвозвратно и еще столько же тяжело поврежденными его, возможно, и не оставила бы. В конце концов, идет война, а значит, без потерь не обойтись. Но то, что происходило здесь и сейчас, являлось не более чем эпизодом. Важным, имеющим серьезные перспективы, но — эпизодом. И Александрову требовалось, чтобы, когда эта мелкая драчка закончится, в его распоряжении оставался флот, способный на серьезные операции, а не инвалидная команда. Соответственно, ему требовалось из кожи вон вывернуться, но разгромить врага без серьезных потерь со своей стороны. Учитывая, что вражеские корабли ведет лучший адмирал Ассоциации Восточных Народов и его флот банально превосходит флот Александра в количестве кораблей и суммарной огневой мощи, задача практически нереальная. И сыграть он сейчас мог лишь на том, что с большой долей вероятности знает, кому поручат нанести удар возмездия. Знает, кто ему противостоит, и, соответственно, может в какой-то мере предугадывать его ходы, а Касиваги такой возможности лишен.

Да, Касиваги, Касиваги... Старше Александра... Немного. Но послужной список богаче, в звании выше и начинал служить раньше. Следовательно, и опыта больше. А еще...

— Его мать уехала с Урала после того, как вышла замуж за японца. К тому времени эксперимент по созданию идеального солдата был уже закрыт. Его признали неудачным, и дочери одного из участников, не прояв-

лявшей каких-либо сверхспособностей, никто не чинил препятствий. А зря...

Устинов, рассказывая об этом, выглядел усталым. Александров тогда почувствовал даже некоторую жалость к маршалу. Чай, не мальчик уже, а тут столько всего свалилось, что и кто помоложе взвоет. Впрочем, адмирал быстро отогнал эти недостойные эмоции. В конце концов, никто Устинова в политику на аркане не тащил, так что пусть теперь принимает и хорошие ее стороны, и изнанку, и причитающуюся к ним ответственность. Хотя, конечно, на Александрова ее груз тоже давил весьма ощутимо. Особенно сейчас.

— Два часа до контакта...

— Благодарю, — адмирал кивнул командиру линкора, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. — Организуйте мне кофе, пожалуйста.

Кружка с ароматным напитком появилась словно по волшебству. Александров отхлебнул, немного подумал и махнул рукой:

— Всем свободным от вахты отдыхать. Передайте по эскадре. Ничего интересного в ближайшее время не произойдет, а потом вы все мне будете нужны свежими и отдохнувшими.

Народ понял и оценил. Здесь все подобрались опытные, не раз участвовавшие в боях, обстрелянные люди, привыкшие ценить каждую минуту отдыха. Сам Александров, правда, из рубки не ушел, но, устроившись поудобнее, тут же задремал прямо в кресле, и никакое бодрящее действие кофе ему не помешало. Зато через два часа он уже с интересом наблюдал за развитием событий, и происходящее ему определенно нравилось.

Принц Фейсал и впрямь был умным человеком. А потому, разработав собственный, авантюрный, но

многообещающий план минной постановки, при его реализации он не отмахнулся от совета одного из уральских офицеров, между делом данного во время совещания. Видать, решил, что пускай тот хоть сто раз неверный, Аллах простит. А вот шкуру ему в случае поражения ни один бог не вернет — ни Аллах, ни Христос, ни даже сам Будда. Поэтому в настройки боеголовок мин ввели не совсем стандартные уточнения, которые, вкупе с изящным решением по их установке, и предопределили исход первого этапа сражения.

Как правило, системы управления настраивали всего на два варианта действий: подать запрос «свой-чужой» и, в случае если правильного ответа не последует, нанести удар, либо бить не спрашивая. Второй вариант реализовывался реже и применялся обычно в случае, если существовала вероятность раскрытия кодов противником. В любом случае, мины атаковали того, кто входил в зону поражения, невзирая на класс вражеского корабля. Соответственно, и разносили в клочья главным образом силы охраны — во-первых, они были многочисленнее линкоров и крейсеров, а во-вторых, мощная защита тяжелых кораблей умела противостоять взрывам боеголовок.

Предложение уральского эксперта было простым: внести в боеголовки первой волны массогабаритные ограничения с тем, чтобы атаковались лишь тяжелые корабли. В походном положении защитные поля работают на минимуме напряженности, а значит, при внезапном ударе имеется неплохой шанс пробить их. Плюс активация всех мин одновременно, благо организовать единую информационную систему на ничтожной по космическим меркам дистанции элементарно. А на силы охраны достанет и тех мин, что встретят-

ся позже — чтобы расковырять фрегат, при минимальной удаче хватит и одного попадания. Предложение серьезно обдумали — и приняли. И вот сейчас хитрость сработала, причем на редкость успешно. Или удачно? Космос ведает, главное, все получилось.

Крайне разреженный метеорный поток (а именно так выглядело на радарх мигрирующее минное поле), тем более, проходящий несколько в стороне от курса эскадры восточников, не являлся достаточно веской причиной для смены курса. И для усиления защитного поля — тоже. А потому практически одновременная ракетная атака с минимальной дистанции оказалась не только неожиданной, но и убийственно эффективной.

Силовые поля честно встали на пути врага, но за те несколько секунд подлетного времени, что прошли с момента обнаружения запуска, нарастить их мощность до хоть сколько-то приемлемых величин было физически невозможно. Защиту буквально смело, и ракеты, идущие вторым эшелонам, достигли цели. Не все, зенитки линкоров тоже кое-чего стоили, но и прорвавшихся хватило для сокрушительного результата. Их было всего-то процентов десять, может, даже меньше, все же порядком устаревшее вооружение Эль Рияда не могло на равных конкурировать с тем, что производила сверхдержава. Тем не менее мощь боеголовок никуда не делась. Космос озарился яркими, хотя и скоротечными вспышками, и ни одна из них не означала для восточников ничего хорошего.

В первые же секунды боя Касиваги лишился авианосца «Гонконг», новейшего, только-только введенного в строй, и линкора «Исэ». Ничего личного, просто их позиция в ордере оказалась не слишком удачной.

К тому же попадание в авианосец произошло в момент, когда огромный корабль был наиболее уязвим. Летные палубы корабля по несчастливому для него совпадению были открыты, перед ожидающимся вскорости боем производилось техническое обслуживание механизмов, а единственная ракета, доставшаяся авианосцу, ударила рядом со створом стартового колодца. Взрыв оказался не то чтобы особенно сильным, да и большая часть его энергии рассеялась в пространстве, «всего лишь» оплавив между делом корпус звездолета и смахнув часть надстроек, но и той малости, что хлынула внутрь, оказалось достаточно.

Переборки, не рассчитанные на буйство стихий, разнесло в клочья, частью расплавив металлические листы, а частью вырвав и раскидав, словно кусочки алюминиевой фольги. Весь осевой туннель и примыкающие к нему ангары и склады заполнило клубящееся пламя, а вокруг него стремительно распространялась жуткая в своей мощи ударная волна. Хлынув в боковые коридоры, она, словно бумажные, вышибла уже переборки внешнего радиуса. В считанные секунды на корабле не осталось ничего живого.

Это был еще не конец, звездолет такого класса может функционировать и без экипажа... какое-то время. Автоматика задействовала противопожарные системы, экстренно глушила и отстреливала реакторы, но это уже ничего не меняло. Авианосец в буквальном смысле слова начал раздуваться, его каркас деформировался, а броневые плиты обшивки вырывало, но... Но чудо военной мысли Ассоциации Восточных Народов оказалось на диво прочным. «Гонконг» не взорвался и не рассыпался. Он просто ушел в вечность, в бесконечный полет выжженным изнутри куском метал-

ла, подобно засушенной рыбе фугу, экзотической, но уже не опасной и никому, по большому счету, неинтересной.

По сравнению с этой феерией огня и смерти гибель «Исэ» выглядела до ужаса буднично. Три боеголовки по два десятка килотонн каждая в борт, и... И, в общем-то, все. Хотя ядерные боеприпасы в космосе теряют значительную часть эффективности, этого хватило, чтобы превратить только что грозный линкор в облако стремительно разлетающейся, мерцающей пыли. Был корабль — и нет корабля.

А бой еще только начинался. Линкор «Хюга» успел поднять мощность защитного поля до тридцати с небольшим процентов — первый вал мин растратился на «Исэ» и «Гонконг», что дало ему целых пять секунд форы. Когда речь идет о жизни и смерти, бесценный подарок. Силовой купол погасил четыре взрыва, пятый вырвал линкору кусок борта площадью с футбольное поле, но корабль не разрушился и даже не потерял управления. Легко, можно сказать, отделался. А вот его систершип, «Фусо», пришлось хуже. Всего-то и поймал на одно попадание больше, но этого хватило, чтобы полностью оторвать звездолету кормовую часть вместе с двигателями, уничтожив при этом две трети экипажа. Впрочем, те, кто выжил, могли теперь им завидовать — полученная ими порция излучения гарантировала жизнь мучительную, зато недолгую.

Линейный крейсер «Конго» пережил минную атаку практически без потерь. Как ни странно, ему общая слабость всех линейных крейсеров пошла только на пользу. Меньшая прочность корпуса частично компенсировалась более мощным силовым полем. Оно-то и выдержало почти все попадания, и потому, хотя ядер-

ное пламя изрядно попортило надстройки и вывело из строя часть артиллерийских установок, в целом боеспособности корабль не утратил и потерь в людях не понес. Зато идущий параллельным курсом линейный крейсер «Кирисима» получил «за себя и за того парня». Его командир пытался уклониться от идущей на него смерти и, совершая маневр, неудачно подставил под удар дюзу. Две самоходные мины разом поставили точку на карьере звездолета, их взрывы буквально пронзили его насквозь, от кормы до носа, превратив корабль в несколько оплавленных комков металла и облако радиоактивной пыли вокруг.

Еще два линейных корабля, «Хо Ши Мин» и «Ли Си Цин», названные в честь легендарных вьетнамских героев древности, проявили удивительную слаженность. Впрочем, и неудивительно — эти звездолеты изначально входили в состав одной эскадры, а подготовка вьетнамских офицеров всегда была на высоте. Корабли грамотно распределили цели и выставили перед летящей в них смертью настоящую стену огня. Ни одна мина до них так и не добралась. Остальные корабли оказались слишком далеко и подверглись лишь случайным атакам, которые были легко отбиты. А вскоре бой и вообще закончился — не так уж много мин запустили на встречу агрессорам с Эль Рияда, и первая группировка попросту иссякла.

На мостике своего флагмана, линкора «Нагато», Касиваги делал то, что для японского офицера несвойственно и, как принято считать, недостойно. Он ругался. На всех языках, которые знал, а было их немало. Его можно было понять, но подчиненные в тот момент предпочитали не думать о тонкой душевной организации командующего и не попадать ему под горячую

руку. Чревато. Хотя, наверное, кто угодно на месте Касиваги вел бы себя точно так же.

Понять адмирала действительно было можно. В какие-то секунды он потерял два линкора, линейный крейсер и авианосец. Ровно четверть ударной группы, не считая поврежденных кораблей. А главное, виной тому была его, Касиваги, самонадеянность. Ну не ждал он такого от заведомо более слабого противника. Да и от любого другого не ждал бы. Он, лучший флото-водец Ассоциации Восточных Народов, привык к тому, что именно его флот владеет инициативой. Привычка с годами трансформировалась вначале в уверенность, а затем и в самоуверенность, но одно и то же не может продолжаться вечно. И вот — нарвался. О личности и возрасте командующего флотом Эль Рияда он был уже осведомлен. Плюха от мальчишки! Закономерный результат.

Тем не менее взял Касиваги себя в руки очень быстро. Время работало против него, адмирал хорошо это понимал, а построение кораблей для отражения повторной атаки было неудачным. В том же, что она последует, Касиваги не сомневался ни на миг. Вот только пауза между ними оказалась короче, чем он предполагал, и сделать хоть что-либо уже не было времени.

Новая волна мин уже приблизилась на расстояние удара. В их электронные «мозги» никто не пытался закладывать массогабаритные ограничения. Тяжелые корабли с выведенными на боевой режим силовыми полями практически неуязвимы для подобного оружия, и пытаться атаковать их окажется пустой тратой сил. Зато одновременную активацию оставили, благодаря чему удар вновь получился массированным. Что, в принципе, и требовалось.